

0345

РАСЕКРЕЧЕНО

55

1

Совершенно секретно.

С Е К Р Е Т А Р Ю Ц.К. В.К.П.(б)

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю первый протокол допроса арестованного
участника антисоветского военного заговора ПРОКОПЧУКА
Н.А., бывшего командира 51 стрелковой дивизии, от 19-го
марта 1938 года.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С о ю з а С.С.Р.
(Е Ж О В)

" апреля 1938 года.

А. 102544

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ПРОКОПЧУКА Николая Андреевича

от 19-го марта 1938 года.

ПРОКОПЧУК Николай Андреевич, 1896 года рождения, уроженец дер. Сады, Дубенского уезда (Польша), украинец, бывший член ВКП(б) с 1919 по 1921 год и с 1929 по 1937 год; исключен за связь с врагами народа. До ареста — командир 51 стрелковой дивизии, военное звание — комбриг.

ВОПРОС: — Когда Вы были отстранены от командования дивизией?

ОТВЕТ: — От командования дивизией я отстранен 29-го августа 1937 года.

ВОПРОС: — Вы арестованы 2 февраля 1938 года. Чем же Вы занимались этот промежуток времени?

ОТВЕТ: — Я состоял в распоряжении Главного Управления РККА по начсоставу и ожидал назначения.

Все это время я принимал меры к тому, чтобы доказать, что я не враг народа. С этой целью я писал письма на имя

командования КВО и Наркома Оборона ВОРОШИЛОВА.

ВОПРОС: - Вам известно содержание приказа № 082 Народного Комиссара Оборона и Народного Комиссара Внутренних Дел?

ОТВЕТ: - Да, известно.

ВОПРОС: - Между Вашим отстранением от должности и арестом прошло пять месяцев.

Почему Вы, являясь участником антисоветской организации в армии, не явились с повинной, как того требовал этот приказ?

ОТВЕТ: - С повинной, как того требовал приказ, я не явился потому, что со времени ареста ряда моих сообщников прошло известное время - меня же к ответственности не привлекали. Из этого я сделал неправильный, роковой для себя вывод, что мои сообщники меня не выдадут и НКВД меня не арестует. Сейчас же, после того как я изобличен на следствии, я признаю себя виновным в том, что длительное время проводил преступную работу против коммунистической партии и Советской власти.

ВОПРОС: - В каких антисоветских организациях Вы состояли?

ОТВЕТ: - Я состоял участником военно-фашистского заговора, в который я был вовлечен бывшим командующим ХВО ДУБОВЫМ в 1933 году.

ВОПРОС: - Разве до 1933 года Вы антисоветской работы не вели?

ОТВЕТ: - До вовлечения меня в антисоветский заговор, я антисоветской работы не проводил.

ВОПРОС: - Будучи изобличены, сознавшись под давлением улик в участии в антисоветском военно-фашистском заговоре, Вы и сейчас пытаетесь изворачиваться, обманывать. Мы Вас будем изобличать фактами.

Вы служили в частях 44 стрелковой дивизии?

ОТВЕТ: - Служил.

ВОПРОС: - Вы знаете ПИНАЕВА?

ОТВЕТ: - Да, знаю. Он был начальником штаба 8-го стрелкового корпуса.

ВОПРОС: - Расскажите о характере Вашей связи с ПИНАЕВЫМ.

ОТВЕТ: - Для меня ясно все. Я не предполагал, что Вы

располагаете фактами о моей антисоветской деятельности и за время моей службы в 44 стрелковой дивизии. Я буду говорить правду.

С 1928 года я состоял участником так называемой военно-офицерской организации, в которую я был завербован ПИНАЕВЫМ.

ВОПРОС: — Еще в каких антисоветских организациях Вы участвовали?

ОТВЕТ: — Я должен сознаться также и в том, что был участником украинской военно-националистической организации, подготавливавшей вооруженное выступление в целях свержения советской власти на Украине и провозглашения украинского самостоятельного буржуазного государства.

В военно-националистическую организацию я был завербован в 1936 году бывшим командиром корпуса ВУЗ КВО КАПУЛОВСКИМ, по поручению ДУБОВОГО.

Состоя командиром 51 стрелковой дивизии, я, по поручению военного штаба этой организации, подготавливал повстанческие кадры на Одешине для участия в вооруженном выступлении против советской власти.

Помимо этого я проводил также и шпионскую работу.

ВОПРОС: — О Вашей шпионской деятельности мы будем

говорить позже.

Сейчас расскажите о Вашем участии в антисоветских организациях.

ОТВЕТ: - С какой организации начинать мне свои показания?

ВОПРОС: - Начните с самого начала Вашей антисоветской деятельности.

ОТВЕТ: - С 1925 по 1930 г.г. я командовал 131-м стрелковым полком 44 стрелковой дивизии. За время службы в дивизии я близко сошелся с начальником штаба 8-го стрелкового корпуса ПИНАЕВЫМ и корпусным инженером ВЕХОВЫМ (оба бывшие офицеры), с которыми часто встречался по службе и во внеслужебной обстановке.

Мы много говорили о положении командного состава в армии, эти разговоры постоянно носили антисоветский характер.

ПИНАЕВ и ВЕХОВ жаловались мне, что их, как бывших офицеров, затирают, не продвигают по службе; они утверждали, что такая линия ведется не только в отношении их, но и многих старых заслуженных командиров Красной армии, участвовавших в гражданской войне. В пример они приводили меня,

говоря, что я застрял на должности командира полка, хотя заслуживаю гораздо большего. В процессе этих разговоров мы выражали злобное отношение к коммунистической партии и советской власти.

В мае месяце 1928 года ВЕХОВ, во время очередной встречи со мной, заявил, что он и ПИНАЕВ очень долго присматривались ко мне и сейчас решили поставить меня в известность об антисоветской организации, действующей в частях 44 стрелковой дивизии.

Когда я попросил его более подробно изложить суть дела, ВЕХОВ сказал мне, что в ряде частей РККА, а также в гражданских учреждениях Советского Союза существует военная организация, состоящая, в основном, из бывших офицеров.

По словам ВЕХОВА, организация ставит своей целью свержение советской власти и установление военной диктатуры.

После того, как ВЕХОВ проинформировал меня о задачах организации, я подробно расспросил его о составе организации, ее практической деятельности и когда в конце нашего разговора он заявил, что организация хорошо законспирирована, а участие в ней обеспечит мне, после свержения советской власти, видное положение, я сказал ВЕХОВУ, что он может передать ПИНАЕВУ о моем согласии.

ВОПРОС: - Что Вас заставило вступить в эту офицер-

скую монархическую организацию. Разве Вы в прошлом были офицером?

ОТВЕТ: - Офицером я не был. Вступил я в военно-офицерскую организацию потому, что враждебно относился к советской власти; для меня было безразлично из кого состоит организация, раз она добивается свержения советской власти.

Через некоторое время ПИНАЕВ мне рассказал, что руководство организации в нашем корпусе состоит из него - ПИНАЕВА, корпусного инженера ВЕХОВА и начальника административной части штаба корпуса ЗЕЛИНСКОГО - все трое бывшие офицеры царской армии.

Приблизительно месяца через два после вербовки меня в организацию ПИНАЕВ сообщил мне, что организация связана с польским генеральным штабом, по указаниям которого подготавливает поражение частей Красной армии.

В этих же целях участники организации систематически передают польскому генеральному штабу все известные им секретные данные о частях РККА, расположенных на Волыни.

ВОПРОС: - Проще говоря занимаются шпионажем для польской разведки.

ОТВЕТ: - Да. ПИНАЕВ раз'яснил мне, что мы не сможем обеспечить поражения частей Красной армии, если поляки не

будут иметь всех необходимых им данных о воинских частях, расположенных на границе. ПИНАЕВ тут-же предложил мне дать ему материалы об укомплектовании и вооружении 131 стрелкового полка, расположенного в Новоград-Волынске - на границе с Польшей, которым я командовал.

Весной 1929 года ПИНАЕВ, уезжая из корпуса, сказал мне, что в дальнейшем по шпионской работе я буду связан с ЗЕЛИНСКИМ.

После от'езда ПИНАЕВА я связался с ЗЕЛИНСКИМ и до мая месяца 1930 года передал ему ряд сведений мобилизационного характера по 131 стрелковому полку.

В 1930 году ЗЕЛИНСКИЙ был арестован и связь у меня с ним прервалась.

ВОПРОС: - Какую подрывную работу проводила Ваша военно-офицерская организация?

ОТВЕТ: - Кроме шпионской деятельности, участники организации проводили в частях подрывную работу, направленную на снижение боевой подготовки; вербовали новых участников.

Я лично завербовал в организацию командира роты связи дивизии ТОКАРЕВА; начальника строевого отдела штаба 44 стрелковой дивизии АЗАРОВА и начальника школы 131 стрелкового полка ГОНЧАРОВА. ТОКАРЕВ, АЗАРОВ и ГОНЧАРОВ - бывшие офицеры царской армии.

В конце лета 1930 года начались аресты участников организации. Так как ВЕХОВ и ЗЕЛИНСКИЙ также были арестованы, я, из-за боязни провала, работу временно свернул.

В 1931 году я получил назначение в 99 стрелковую дивизию, откуда через непродолжительное время был переведен на должность командира 96 стрелковой дивизии. С этого времени прекращается моя связь с участниками военно-офицерской организации.

ВОПРОС: - Переходите к изложению Вашего участия в антисоветском военно-фашистском заговоре.

ОТВЕТ: - В июле 1933 года я был завербован ДУБОВЫМ в антисоветский военный заговор и вновь возобновил свою антисоветскую деятельность.

С ДУБОВЫМ я знаком еще со времени гражданской войны и находился с ним в хороших отношениях. В июле 1933 года ДУБОВОЙ об'езжал части 17 стрелкового корпуса. При приезде ДУБОВОГО в 96 стрелковую дивизию, я сопровождал его в поездке по частям дивизии.

Это заняло у нас дней пять и все это время я был вместе с ДУБОВЫМ.

В разговорах со мной ДУБОВОЙ вначале осторожно, а затем все резче и резче высказывал мне свои антисоветские взгляды.

Когда после ряда злобных выпадов ДУБОВОГО я просил его к чему он клонит и как он мыслит практически разрешить все эти противоречия, ДУБОВОЙ ответил:

"Выход один — это изменение существующего строя, что можно достигнуть только путем насильственного отстранения от власти нынешнего руководства партии и правительства".

После этого ДУБОВОЙ рассказал мне, что в Украинском военном округе действует антисоветская военная организация, возглавляемая ЯКИРОМ, в которую входит много лиц высшего командно-политического состава округа и предложил мне вступить в эту организацию.

Я ответил согласием на предложение ДУБОВОГО.

Уезжая ДУБОВОЙ сказал, что более обстоятельно о целях организации и о тех задачах, которые возлагаются на меня, он расскажет при приезде в дивизию для инспектирования.

Спустя месяц, в августе 1933 года, ДУБОВОЙ приехал в Жмеринку.

В этот приезд ДУБОВОЙ сообщил мне следующее:

"Свержение советской власти собственными силами мы осуществить не сможем, поэтому мы должны опираться на помощь иностранных государств. Наиболее агрессивно настроенным против Советского Союза государством является Герма-

ния, с военными кругами которой мы поддерживаем деловую связь и которые осведомлены о существовании нашей организации и о готовящемся перевороте.

По договоренности с немцами, вооруженное восстание против советской власти мы готовим к моменту войны. К этому нужно готовиться уже сейчас. Мы строевые командиры должны, главным образом, поработать над снижением боевой подготовки и мощи Красной армии; мы должны заранее создать все условия для поражения армии в предстоящей войне.

Поражение на фронте очень быстро деморализует тыл и этот момент мы сможем использовать для переворота в стране".

Когда я задал ДУБОВОМУ вопрос о форме государственного строя после свержения советской власти, он ответил, что на первое время это по всей вероятности будет военная диктатура.

Тогда же ДУБОВОЙ поставил передо мной задачу вербовать новых участников в заговор из числа враждебных к советской власти и политически неустойчивых командиров и совместно с ними проводить подрывную работу в области боевой подготовки.

В этот же приезд ДУБОВОГО, он меня связал с человеком, который впоследствии привлек меня к шпионской работе в

пользу Польши.

ВОПРОС: - Кто этот человек?

ОТВЕТ: - Бывший второй секретарь Винницкого Обкома КП(б)У БЕГАЙЛО.

Во время инспектирования одной из частей, мы на машине заехали с ДУБОВЫМ на ст. Жмеринка. Там мы встретили БЕГАЙЛО, который тепло встретился с ДУБОВЫМ и был вместе с нами несколько часов.

Когда мы прощались, ДУБОВОЙ мне сказал: "Вы БЕГАЙЛО не стесняйтесь, он полностью наш человек и если он обратится к Вам за помощью, сделайте для него все возможное".

Через 5-6 дней после от'езда ДУБОВОГО я, приехав на ст. Жмеринка, снова встретил БЕГАЙЛО, который пригласил меня к себе в вагон.

ВОПРОС: - И первый и второй раз Вы с БЕГАЙЛО встречались на ст. Жмеринка, в то время, когда он работал в Виннице.

Чем об'яснить это совпадение?

ОТВЕТ: - БЕГАЙЛО был назначен ЦК КП(б)У уполномоченным по Жмеринскому железнодорожному узлу и приблизительно около месяца жил на ст. Жмеринка в вагоне.

С БЕГАЙЛО мы долго разговаривали, как-бы присматриваясь и прощупывая друг друга. Наконец, БЕГАЙЛО прямо сказал мне, что ему от ДУБОВОГО известно о моем участии в армейской антисоветской организации и поэтому он обращается ко мне за некоторыми необходимыми ему секретными материалами.

БЕГАЙЛО сообщил мне, что он связан с поляками и в связи с тем, что поляки во время войны помогут нам в свержении советской власти, мы должны уже сейчас ориентировать их о состоянии Красной армии, облегчив этим поражение частей Красной армии в войне.

БЕГАЙЛО потребовал от меня схему расположения всех лагерей 96 дивизии и данные об артиллерийском вооружении дивизии.

Приблизительно через 5-6 дней я просимые материалы БЕГАЙЛО передал.

ВОПРОС: - Какие именно шпионские материалы Вы передали БЕГАЙЛО?

ОТВЕТ: - Я передал ему следующие данные:

1. Подробную дислокацию всех частей 96 стрелковой дивизии с указанием численности подразделений;

2. Ведомость вооружения 96 стрелковой дивизии, количество и системы вооружений, в частности артиллерии дивизионной, полковой и батальонной;

3. Схему организации противовоздушной обороны - артиллерийской и пулеметной Жмеринского узла.

ВОПРОС: - В каком виде Вы передали эти материалы БЕГАЙЛО?

ОТВЕТ: - Дислокацию частей 96-й стрелковой дивизии и ведомость вооружения я передал в виде своих заметок. Схему противовоздушной обороны я нанес цветным карандашом на топографическую карту и в таком виде передал ее БЕГАЙЛО.

ВОПРОС: - Возвратил Вам БЕГАЙЛО эту карту?

ОТВЕТ: - Нет, не возвращал.

ВОПРОС: - Продолжайте показания о своей шпионской деятельности.

ОТВЕТ: - В октябре 1933 года я, будучи в Виннице, зашел к БЕГАЙЛО в Обком и передал ему следующие материалы:

1. Схему полевых сооружений участка от железной дороги Жмеринка-Проскуров и дальше к югу через м. Ялтушков до южного фланга участка 52 укрепленного района (весь участок намеченный для 96 стрелковой дивизии).

Эту схему сделал по моему распоряжению бывший началь-

ник 1 отделения штаба 96 стрелковой дивизии САРАНЦЕВ, скопировав ее с карты.

ВОПРОС: - САРАНЦЕВ Вами были привлечен к шпионской работе?

ОТВЕТ: - Нет, не был. Он скопировал схему не зная для чего, так как я всегда мог отдать подобное распоряжение в служебных целях.

ВОПРОС: - Продолжайте.

ОТВЕТ: - Тогда же я передал БЕГАЙЛО схему мобилизационного сосредоточения 96 стрелковой дивизии и сроки от мобилизования 286, 287 и 288 стрелковых полков, 96 артиллерийского полка их первых и вторых эшелонов. Схему эту я передал в виде моих собственноручных заметок.

В ноябре 1933 года я был переведен в Одессу на должность командира 51 стрелковой дивизии. Перед от'ездом в Одессу я заехал в Винницу и зашел к БЕГАЙЛО договориться с ним о дальнейшей связи.

С БЕГАЙЛО я условился, что шпионские материалы я буду ему пересылать через начальника мастерских дивизии ЗЮБРОВСКОГО.

ЗЮБРОВСКИЙ был одним из моих близких людей и к этому

времени уже был завербован мной в военно-фашистский заговор.

Для того, чтобы БЕГАЙЛО знал в лицо ЗЮБРОВСКОГО, я сказал БЕГАЙЛО, что завтра пошлю к нему ЗЮБРОВСКОМУ с просьбой помочь дивизии в отпуске строительных материалов.

ВОПРОС: - Вы сказали, что Вас перевели в Одессу.

ОТВЕТ: - Да.

ВОПРОС: - А ЗЮБРОВСКИЙ тоже с Вами переводился?

ОТВЕТ: - Н е т.

ВОПРОС: - Каким же образом Вы могли передавать БЕГАЙЛО через ЗЮБРОВСКОГО шпионские материалы?

ОТВЕТ: - Дело в том, что ЗЮБРОВСКИЙ, будучи начальником мастерских 96 стрелковой дивизии, часто выезжал в Одессу за различными строительными материалами. Поэтому я имел возможность при его приездах в Одессу передавать ему материалы для БЕГАЙЛО.

ЗЮБРОВСКОМУ о моей шпионской связи с БЕГАЙЛО я ничего не говорил.

ВОПРОС: - Почему?

ОТВЕТ: - В этом не было никакой необходимости. Как я уже говорил, он был мне целиком предан и выполнял все мои поручения, не вдаваясь в характер таковых.

Прощаясь со мной БЕГАЙЛО спросил как у меня обстоит дело с деньгами и сказал, что он может мне дать некоторую сумму.

Когда я сказал, что от денег не откажусь, БЕГАЙЛО дал мне две тысячи рублей.

ВОПРОС: - Как протекала Ваша дальнейшая шпионская связь с БЕГАЙЛО?

ОТВЕТ: - Летом 1934 года БЕГАЙЛО приехал в Одессу и позвонив мне по телефону, попросил зайти к нему в гостиницу "Красная". При встрече в гостинице БЕГАЙЛО попросил меня дать ему материалы по 51 стрелковой дивизии.

Я приготовил для БЕГАЙЛО, согласно его просьбы, такие данные:

1. Схему расквартирования войск в Одессе - казармы, лагеря, стрельбища, аэродромы, гарнизонные артиллерийские склады.

Эти сведения я нанес на карту 2-х верстного масштаба.

2. Ведомость численного состава 51 стрелковой дивизии и ее вооружения, в виде собственноручных заметок.

При очередном приезде ЗЮБРОВСКОГО в Одессу я передал ему эти материалы в запечатанном пакете и попросил доставить БЕГАЙЛО.

В начале 1935 года я, через ЗЮБРОВСКОГО, получил от БЕГАЙЛО письмо, в котором он просил меня прислать ему данные о мобилизационной готовности частей 51 стрелковой дивизии.

Эти материалы я переслал БЕГАЙЛО также через ЗЮБРОВСКОГО в июле месяце 1935 года.

После этого у меня с БЕГАЙЛО связь прервалась.

ВОПРОС: - Почему прекратилась Ваша шпионская связь с БЕГАЙЛО?

ОТВЕТ: - Причин почему БЕГАЙЛО прекратил со мной связь я не знаю, но с середины 1935 года я от него больше заданий не получал.

ВОПРОС: - Как Вы выполняли указания ДУБОВОГО по военно-фашистскому заговору?

ОТВЕТ: - В 96-й стрелковой дивизии я успел завербовать в заговор только трех человек: помощника командира 288 стрелкового полка ЩЕТИНСКОГО; начальника штаба батальона 286 стрелкового полка СИДОРЕНКО и ЗЮБРОВСКОГО, о котором

я показывал выше.

Все эти лица были близко связаны со мной, я был хорошо осведомлен об их антисоветских взглядах, поэтому большого труда для меня их вербовка не представляла.

В Одессе, в 51-й стрелковой дивизии я шире развернул вербовочную работу.

После моего приезда в дивизию, по поручению ДУБОВОГО, со мной связался участник заговора - бывший командир 6-го стрелкового корпуса в Одессе ФЕСЕНКО. После его отъезда, в 1935 году я был связан с участником заговора - СИДОРЕНКО, назначенным после ФЕСЕНКО командиром 6 стрелкового корпуса. ФЕСЕНКО знал о моем участии в заговоре от ДУБОВОГО, а по приезде в корпус СИДОРЕНКО, сообщил об этом последнему.

В 1934 году я много времени потратил на обработку командира 152 стрелкового полка ХУДЕНКО. Когда же я приступил к его вербовке, то он сказал мне, что он уже состоит участником заговора; завербовал его бывший командир 6-го стрелкового корпуса ФЕСЕНКО. Таким образом я с ним связался как с заговорщиком.

В 1935 году я завербовал в заговор дивизионного ветврача ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, которым был проведен ряд вредительских мероприятий по конскому составу дивизии.

Для подрывной работы в области боевой подготовки и

мобилизационной работы я завербовал в заговор начальника штаба дивизии – полковника ИВАНОВСКОГО и начальника 1-й части штадива ТРИБУХА.

Кроме того я пытался завербовать в заговор командира 51 артиллерийского полка – полковника САКИЛАРИ, но при вербовке выяснилось, что он уже является участником заговора, в который был завербован бывшим начальником артиллерии 6-го стрелкового корпуса КУЗЬМИЦКИМ.

В 1936 году я провел вербовку помощника командира 151 стрелкового полка – майора ТЕРЕХОВА.

В этом же году я наметил к вербовке командиров 153 и 151 стрелковых полков КАЛАШНИКОВА и ШУВАНОВА, но выяснилось, что первый завербован в заговор бывшим командиром корпуса ФЕСЕНКО, а второй – бывшим начальником командного управления РККА ФЕЛЬДМАНОМ.

С ними я также связался как с заговорщиками.

Там-же в Одессе, через ФЕСЕНКО, я связался с участником заговора – дивизионным санитарным врачом ЦИММЕРОМ.

ВОПРОС: – Переходите к изложению той подрывной деятельности, которая была проведена в дивизии Вами и всеми этими участниками заговора.

ОТВЕТ: – Вредительство в частях дивизии, главным образом, проводилось в области боевой подготовки и в хра-

нении войскового имущества.

В области боевой подготовки вредительство было направлено на снижение качества обучения командного и красноармейского состава, что достигалось путем неправильной отработки тем по стрелковой и тактической подготовке.

Кроме того, красноармейский состав частей дивизии преднамеренно использовывался на различных хозяйственных работах, хотя в этом не было необходимости.

В хранении войскового имущества вредительство проводилось путем неправильного хранения неприкосновенного запаса артиллерийского, технического и вещевого имущества, что приводило к его преждевременной порче.

Неприкосновенный запас всех видов этого имущества совершенно не освежался. Хозяйство дивизии всей системой вредительства было доведено до полного развала и когда в 1936 году происходило обследование дивизии по выполнению постановления ЦК ВКП(б) о войсковом хозяйстве, несмотря на то, что я был предупрежден и принял ряд мер, все-же всего мне скрыть не удалось; ряд недочетов был обнаружен и только при помощи заговорщического командования округа, я отделался только лишь административным взысканием.

ВОПРОС: - Почему Вы ничего не говорите о диверсионной работе?

ОТВЕТ: - Я подробно расскажу и об этом.

Указания по проведению диверсионной работы я получал от СИДОРЕНКО и в свою очередь передавал эти указания участникам заговора, которые и являлись непосредственными исполнителями диверсионных актов.

В 1935 году участник заговора - командир 152 стрелкового полка ХУДЕНКО по моему заданию организовал массовое отравление красноармейцев пищей. В результате свыше 150 человек рядового состава продолжительное время находились на стационарном лечении.

В марте месяце 1936 года участником заговора - санитарным врачом ЦИММЕРОМ, через старшего врача 153 стрелкового полка, также участника заговора, фамилии которого я не помню, под видом какой то прививки красноармейцам полка была введена инфекция, в результате которой в полку распространилась болезнь.

В связи с этим полк был об'явлен на неблагоприятном положении и до выхода в лагерь не обучался боевой подготовке. От этой болезни умерло 4 или 5 красноармейцев.

В 51 артполку командиром полка САКИЛАРИ, совместно с дивизионным врачом ЦИММЕРОМ, летом 1936 года была заражена микробом стоматита (опухоль полости рта) питьевая вода.

Стоматитом в полку болело одновременно около 400 человек рядового состава. Люди непрерывно болели все лето, в связи с чем боевая подготовка была целиком сорвана и полк был освобожден от маневров.

ВОПРОС: - Какие диверсионные акты намечались на военное время?

ОТВЕТ: - Вместе с участником заговора - командиром 6-го стрелкового корпуса СИДОРЕНКО мы наметили в момент об'явления войны проведение следующих диверсионных актов:

поджечь гарнизонные инженерные склады (на Дальницкой улице), где хранится все инженерное и переправочное имущество саперного батальона дивизии и противогазы Б-Н всех частей гарнизона;

поджечь эти склады было поручено участнику военно-фашистского заговора - коменданту города ЧЕПЕЛЕВУ, которому мы посоветовали осуществить это через истопников, состав которых подобрать из числа бывших кулаков;

взорвать склады 152 стрелкового полка, находящиеся на станции Мигаево и склады Тираспольского укрепленного района. В этих складах хранилось много вещевого и артиллерийского имущества.

Исполнителями диверсионных актов намечались заведующий складом и кладовщик, которых предполагалось завербовать

в зговор.

Здесь я Вам кратко изложил свою антисоветскую подрывную работу в военно-офицерской организации и в военном-фашистском заговоре. Более активно против советской власти я стал работать после моего вовлечения в украинскую военную-националистическую организацию.

Выше я уже показал, что в военную националистическую организацию я был завербован в июне 1936 года бывшим командиром корпуса ВУЗ КВО КАПУЛОВСКИМ.

КАПУЛОВСКОГО я знаю уже продолжительное время, но близко сошелся с ним в 1935 году, когда он начал приезжать в Одессу с различными инспекторскими заданиями командования КВО.

Неоднократно КАПУЛОВСКИЙ проверял состояние частей и моей дивизии.

В один из своих приездов в Одессу в июне 1936 года КАПУЛОВСКИЙ заехал ко мне и мы, пообедав, пошли прогуляться по лагерю.

Во время прогулки КАПУЛОВСКИЙ начал со мной разговор о будущем Украины, ее больших внутренних богатствах о том, что с экономической стороны Украина имеет все необходимое для независимого существования, как самостоятельное государство. Весь этот разговор носил резко антисоветский националистический характер.

Я внимательно выслушал КАПУЛОВСКОГО и спросил его для чего он со мной говорит по этому вопросу.

Тогда КАПУЛОВСКИЙ заявил мне, что он говорит со мной по поручению ДУБОВОГО, который состоит в числе руководителей националистического движения на Украине.

КАПУЛОВСКИЙ сказал, что ему от ДУБОВОГО известно о моем участии в военно-фашистском заговоре. Однако, говорил КАПУЛОВСКИЙ, мы украинцы должны создавать свои подпольные националистические кадры, в том числе и в Красной армии. КАПУЛОВСКИЙ рассказал мне, что всей подпольной работой националистов руководит антисоветский украинский националистический центр; что этим центром создан военный штаб для разработки всех вопросов, связанных с вооруженным выступлением против советской власти и для руководства военно-националистической организацией, состоящей из командиров РККА — украинских националистов.

В заключение КАПУЛОВСКИЙ предложил мне вступить в военно-националистическую организацию и возглавить работу этой организации в 51-й дивизии и на Одешине в целом.

Я ответил согласием на предложение КАПУЛОВСКОГО и просил его передать об этом ДУБОВОМУ.

ВОПРОС: — Кто Вам известен из лиц, входивших в анти-

советский украинский националистический центр и в военный штаб?

ОТВЕТ: - Из лиц, входящих в состав центра, КАПУЛОВСКИЙ мне назвал: ЛЮБЧЕНКО, ЗАТОНСКОГО, ПОРАЙКО, ТРИЛИССКОГО - председателя Винницкого Областного Исполнительного Комитета и ДУБОВОГО.

Из членов военного штаба КАПУЛОВСКИЙ мне назвал только ДУБОВОГО, БОРИСЕНКО и себя - КАПУЛОВСКОГО.

КАПУЛОВСКИЙ мне говорил также, что кроме националистического центра и военного штаба существует еще всеукраинский повстанком.

ВОПРОС: - В каких отношениях состоял этот всеукраинский повстанком с военным штабом и военно-националистической организацией?

ОТВЕТ: - Этого я не могу сказать, так как о всеукраинском повстанкоме КАПУЛОВСКИЙ мне говорил вскользь, неконкретно. Я его понял так, что всеукраинский повстанком, через областные повстанкомы, руководит формированием повстанческих отрядов на селе, которые в момент вооруженного восстания должны будут влиться в те повстанческие формирования, которые намечал создать военный штаб.

ВОПРОС: - Кто входил в состав всеукраинского повстанкома?

ОТВЕТ: - Ни одной фамилии из состава всеукраинского повстанкома КАПУЛОВСКИЙ мне не назвал.

Он сказал только, что во всеукраинский повстанком, наряду с видными националистами из гражданских людей, входит представитель военного штаба.

ВОПРОС: - К моменту вовлечения Вас КАПУЛОВСКИМ в военно-националистическую организацию, - Вы уже состояли участником военно-фашистского заговора. Как же Вы должны были совмещать антисоветскую работу в обеих этих организациях?

ОТВЕТ: - КАПУЛОВСКИЙ предупредил меня, что я должен оставаться в составе военно-фашистского заговора, но о существовании военно-националистической организации в армии и ее планах, военным заговорщикам ни в коем случае ничего не говорить.

КАПУЛОВСКИЙ говорил: "Для Вас должно быть понятно, что конечные интересы военных заговорщиков и наши - националистов, - расходятся. Они мечтают о военной диктатуре на территории всей России; они за единую неделимую. Для нас же важно уничтожить большевиков на Украине и создать

здесь самостоятельное государство.

Но у них есть сила и с этой силой мы должны быть в союзе пока она помогает нам. Как только советская власть будет свергнута мы пойдем своим путем. Что там будет за пределами Украины, — нас сейчас мало интересует".

На мой вопрос: "А не получится ли так, что заговорщики окажутся сильнее и не допустят нас к власти?", — КАПУЛОВСКИЙ ответил: "Этого не может случиться, так как мы располагаем своими сторонниками почти повсеместно на Украине и особенно в селах; военные заговорщики-же никаких корней на Украине не имеют. Затем нужно учесть, что выступить мы думаем в момент войны с Германией и Польшей. Все кадровые части, а следовательно и военные заговорщики, во главе с ЯКИРОМ уйдут на фронт. Мы воспользуемся моментом, когда заговорщики, действуя по своим пораженческим планам откроют фронты немцам и полякам, — подыдем в тылу восстание и захватим власть в свои руки. Когда же мы с помощью немцев и поляков укрепим свои позиции, а на этот счет у нас с ними существует договоренность, заговорщики будут вынуждены подчиниться всем нашим требованиям и уйти с Украины.

Вот эти планы и требуют от нас той тактики по отно-

шению к военным заговорщикам, о которой я Вам говорил. Военных заговорщиков из украинцев, сочувствующих нашим националистическим планам, нужно привлекать в наш лагерь".

Перед от'ездом КАПУЛОВСКОГО, я имел еще один разговор с ним. КАПУЛОВСКИЙ мне рассказал, что в областях Украины действуют областные повстанческие комитеты, руководящие всей националистическо-повстанческой работой в данной области. Из состава Одесского областного повстанческого комитета КАПУЛОВСКИЙ мне назвал БОЙКО - председателя Областного Исполнительного Комитета и ГОЛУБА - секретаря Обкома КП(б)У.

КАПУЛОВСКИЙ предложил мне от его имени связаться с БОЙКО и ГОЛУБОМ и войти в областной повстанческий комитет от военно-националистической организации. КАПУЛОВСКИЙ предложил мне также связаться с начальником Политотдела 51 стрелковой дивизии АДАМЕНКО - участником военно-националистической организации и вместе с ним наладить работу организации. Особо КАПУЛОВСКИЙ рекомендовал создавать повстанческие формирования среди приписного состава дивизии.

ВОПРОС: - Связались ли Вы с областным повстанческим комитетом?

ОТВЕТ: - Да. Вскоре после от'езда КАПУЛОВСКОГО, я

зашел в Облисполком к БОЙКО и после решения ряда служебных вопросов, рассказал ему о своем разговоре с КАПУЛОВСКИМ. БОЙКО мне ответил, что он предупрежден КАПУЛОВСКИМ и договорился уже с ГОЛУБОМ и другими членами областного повстанческого комитета о вводе меня и АДАМЕНКО в повстанком.

ВОПРОС: - Кто эти другие члены одесского областного повстанческого комитета, помимо ГОЛУБА и БОЙКО?

ОТВЕТ: - БОЙКО мне назвал членами областного повстанкома ИВАНЧЕНКО - заведующего Сельхозотделом Обкома КП(б)У и ПОГРЕБНОГО - секретаря Облисполкома.

Тогда же БОЙКО меня проинформировал о том, что областной повстанком развернул вербовочную работу в районах области среди бывших петлюровцев, участников политбанд и кулацко-националистических элементов и создает из них повстанческие отряды. По словам БОЙКО, такие отряды, численностью от 10 до 25 человек, созданы уже во многих районах области. Он говорил, что массовые вербовки сейчас проводить рискованно; что в повстанческие отряды вербуются только особо надежные и проверенные люди; что эти 10-25 человек в каждом отряде представляли из себя основной, командный костяк будущих повстанческих отрядов. Расчеты были на то,

что в момент восстания эти отряды пополняются за счет враждебного советской власти элемента на местах из петлюровцев, бывших участников гайдамацких банд, кулаков и прочих врагов советской власти.

В одной из бесед БОЙКО мне рассказывал, что для формирования повстанческих отрядов облповстанком используются каналы Осоавиахимовской работы в районах. Некоторые повстанческие отряды и группы создавались под видом стрелковых команд, команд ПВХО, дегазационных отрядов и т.п.

ВОПРОС: - В каких районах и населенных пунктах Одесской области были созданы повстанческие отряды?

ОТВЕТ: - Когда я говорил с БОЙКО о плане захвата власти в городе Одессе, - он мне заявил, что областной повстанком предоставит в мое распоряжение повстанческие отряды из окружающих сел.

БОЙКО мне показал на карте, в каких прилегающих к Одессе селах имеются эти отряды. Из названных БОЙКО населенных пунктов, у меня в памяти сохранились только следующие: Дальник, Вакаржаны, Сычевка, Григорьевка, Мешанка, Федоровка, Суворово, Нерубайское и поселок Дачная.

В августе месяце 1936 года БОЙКО мне рассказал, что ГОЛУБ и ПОГРЕБНОЙ такую же работу по формированию повстан-

ческих отрядов проводят в немецких национальных районах Одесской области, где сохранилось много повстанцев, участвовавших в выступлениях против соввласти в 1918-1919 г.г.

БОЙКО просил меня выделить в помощь ГОЛУБУ и ПОГРЕБНОМУ 1-2 участников военно-националистической организации для обучения командной части повстанческих отрядов в немецких национальных районах.

ВОПРОС: - С кем из участников областного повстанкома Вы лично были связаны кроме БОЙКО?

ОТВЕТ: - Тогда же в августе месяце 1936 года БОЙКО меня связал с ГОЛУБОМ, в кабинете у последнего, куда я пришел вместе с БОЙКО.

ГОЛУБ сообщил мне о том, как идет работа по формированию повстанческих отрядов в немецких национальных районах. Он убеждал меня, что в рядах повстанческого подполья в немецких колониях имеется уже до 4000 человек. Как говорил мне ГОЛУБ, наиболее крупные повстанческие отряды сформированы в колониях Гросс-Либенталь, Кляйн-Либенталь и Фрейденталь, которые находятся в 15-25 километрах от г. Одессы; эти отряды предназначались для участия в вооруженном захвате гор. Одессы.

Я обещал ГОЛУБУ выделить 1-2 командиров из дивизии -

участников военно-националистической организации для военного обучения и переподготовки руководителей этих отрядов, большинство которых являлись командирами запаса.

ВОПРОС: - Какую антисоветскую подрывную работу Вы провели в 51-й стрелковой дивизии?

ОТВЕТ: - Сразу же после от'езда КАПУЛОВСКОГО я связался с АДАМЕНКО и мы договорились с ним о вербовке ряда командиров в военно-националистическую организацию в 51-й стрелковой дивизии и через них приступить к созданию повстанческих кадров среди приписного состава.

В первую очередь я перевербовал в военно-националистическую организацию ТРИБУХА, начальника 1-й части штаба дивизии, ранее завербованного мною в военный заговор. В июле месяце 1936 года я завербовал в военно-националистическую организацию начальника штаба 153 стрелкового полка ШКОЛЕНКО и начальника военно-хозяйственного снабжения дивизии СКОТАРЕНКО.

С ШКОЛЕНКО и СКОТАРЕНКО я был близко связан много лет и знал их как скрытых националистов.

В конце августа 1936 года я отдал приказание призывать на учебные сборы преимущественно приписников старших возрастов 1896-1898 г.г.рождения; я исходил из того, что

среди этих контингентов легче будет проводить антисоветскую националистическую работу, нежели среди молодежи. К тому же, среди этих возрастов было немало лиц, служивших в прошлом в армиях Деникина, гетмана и Петлюры, у атамана Григорьева и в других бандах.

Призывая на сборы эти контингенты, я имел ввиду хотя бы приблизительно определить - сколько среди них людей ранее боровшихся против советской власти; на какую базу мы можем рассчитывать.

ВОПРОС: - Разве очередность призыва на сборы приписников не определялась точно директивами штаба округа?

ОТВЕТ: - Штаб округа давал указания какие возраста приписников подлежат призыву на сборы и в какие сроки. Однако, своей властью - командира дивизии я нарушал эти директивы, якобы, исходя из местных условий. Никогда командование округа за эти нарушения мною директив Штаба округа претензий ко мне не пред'являло.

ВОПРОС: - Продолжайте.

ОТВЕТ: - На сборах командного состава, участники военно-националистической организации из дивизии, руководившие этими сборами, по моему и АДАМЕНКО указаниям должны

были выявлять антисоветские элементы и приписывать их к соответствующим подразделениям, с таким расчетом, чтобы в каждом второочередном полку у нас было крепкое повстанческое ядро.

Я дал распоряжение готовить из числа намеченных для повстанческих целей приписников, — пулеметчиков и артиллеристов, для того, чтобы в дальнейшем формируемые повстанческие отряды особенно насыщать огневыми средствами.

АДАМЕНКО также вербовал новых участников в военнонационалистическую организацию. Мы с ним наметили завербовать ЕВТУШЕНКО — зам. нач. Политотдела 51 стрелковой дивизии, который по мобилизационному плану намечался начальником Политотдела второочередной дивизии и МЕЛЬНИКА — зам. военкома 51 артиллерийского полка. Оба они были скрытыми националистами.

Эти вербовки АДАМЕНКО через некоторое время осуществил.

Вскоре АДАМЕНКО свел меня с ЕВТУШЕНКО и я поручил ему руководство антисоветской работой по приписному составу и, в частности, я предложил ему обеспечить приписку по частям и организацию сборов, в первую очередь, старших возрастов, а также отбор среди них враждебных советской власти людей.

Такое же распоряжение я дал участнику военно-националистической организации пом.нач. штаба 153 стр.полка ШКОЛЕНКО и завербованному мною в военный заговор пом.командира 153 стрелкового полка НОВАКОВУ. АДАМЕНКО, в свою очередь, предложил эту работу проводить завербованному им МЕЛЬНИКУ.

С последним я также связался и подчеркнул ему особую важность работы по приписникам в 51 арт.полку, так как это была почти единственная возможность получить в наши руки второочередную артиллерийскую часть, для участия в восстании.

Ввиду того, что приписной состав к артиллерийскому полку комплектовался, главным образом, в Ленинском районе гор.Одессы, я обратился за помощью к члену областного повстанкома ГОЛУБУ. Он привлек к этой работе националиста ЧМЕЛЕНКО - секретаря Ленинского районного комитета КП(б)У гор.Одессы, - знавшего хорошо население района и связал его с МЕЛЬНИКОМ.

Антисоветскую работу среди приписников МЕЛЬНИК начал организовывать сразу же после осенних маневров 1936 года. Совместно с бывшим секретарем РПК ЧМЕЛЕНКО, им был просмотрен весь приписной личный состав. Из полка под различными благовидными предложениями они отписали часть людей, ко-

торые могли мешать нашим повстанческим планам и приписали нужных нам людей.

Я несколько раз посещал сборы приписного состава артиллерийского полка и убедился, что МЕЛЬНИК приписал к полку много антисоветских элементов.

ВОПРОС: — На чем основаны эти Ваши убеждения?

ОТВЕТ: — Выяснял я это так: подходя к группе занимавшихся приписников, я беседовал с ними об их прошлом; во время этих бесед с приписниками я выяснял, что многие из них во время гражданской войны были в петлюровской или гетманской армии, в уголовных и политических бандах, которых в 1918–19 г.г. было особенно много в Одессе и ее пригородах.

В начале 1937 года МЕЛЬНИК доложил мне, что он рассчитывает примерно на 200 человек антисоветского националистического актива из которого считает возможным сформировать один артиллерийский дивизион двухбатарейного состава.

В танковом батальоне 51-й дивизии антисоветскую националистическую работу проводил завербованный мною в сентябре 1936 года в военно-националистическую организацию ЕВДОКИМЕНКО, начальник штаба этого батальона.

В 152 стрелковом полку, расквартированном в Тирасполе

работу по вербовке в военно-националистическую организацию я поручил проводить ЕВТУШЕНКО, который имел там нужные связи среди националистически настроенных командиров.

Независимо от этого, я осенью 1936 года, при въезде в 152 стрелковый полк, завербовал в военно-националистическую организацию пом. командира 152 стрелкового полка ГОЛУБОВСКОГО, которого я знал, как враждебно относящегося к советской власти. ГОЛУБОВСКОМУ я поручил готовить повстанческие кадры из приписников полка.

В этих целях я приказал не отписывать из полка 500 приписников немцев-колонистов, несмотря на то, что на этот счет существовал строгий приказ Наркома Оборон. Многие из них ГОЛУБОВСКИЙ вербовал для повстанческой работы.

В 153 стрелковом полку антисоветская работа проводилась, главным образом, среди приписников болгар.

Еще до того, как я вошел в военно-националистическую организацию, я поручил завербованному мною в военно-фашистский заговор помощнику командира 153 стрелкового полка НОВАКОВУ, по национальности болгарину, бывшему болгарскому офицеру, сформировать повстанческий батальон из болгар.

После того как НОВАКОВ был мною завербован, он рассказал мне, что уже давно состоит в антисоветской болгар-

ской националистической организации, существующей в болгарских районах Одешины и связанной с заграницей. Как руководителя этой организации НОВАКОВ назвал мне председателя Райисполкома Благоевского района (но фамилию его я забыл).

НОВАКОВ мне докладывал, что выполняя мое поручение по созданию среди болгар повстанческих отрядов, — он в 1935 и 1936 г.г. подготовил из приписников болгар — участников болгарской организации целый ряд пулеметчиков, гранатометчиков и артиллеристов.

Руководители антисоветской болгарской организации перед сборами сообщали НОВАКОВУ, кто из призываемых на сборы состоит участником организации. Над ними НОВАКОВ особенно много работал и подготавливал из них командиров повстанческих отрядов.

Ввиду того, что как говорил мне НОВАКОВ, он имеет возможность широкой вербовки болгар в повстанческие отряды, — я искусственно увеличил мобилизационные наметки, примерно с 500 до 900 болгар, приписываемых к 153-му полку. НОВАКОВ утверждал, что в момент вооруженного выступления он развернет болгарский повстанческий полк.

ВОПРОС: — Выше Вы показали, что НОВАКОВ был завербован Вами в военно-фашистский заговор.

Знал ли он о том, что повстанческая работа среди болгар, которая проводится им по Вашему поручению, направлена в интересах украинской военно-националистической организации.

ОТВЕТ: - НОВАКОВ и вся болгарская организация, как он сам мне говорил, действовали по указаниям из-за границы. Хотя НОВАКОВ мне не сообщал от кого именно из-за границы идут эти указания, - я все же понимал, что они исходят от болгарской разведки. Из этого я делал вывод, что НОВАКОВУ и участникам болгарской организации безразлично с кем свергать советскую власть: с русскими заговорщиками, или украинскими националистами. Поэтому я НОВАКОВУ об украинской военно-националистической организации говорил только вскользь и полностью наших националистических планов перед ним не вскрывал.

ВОПРОС: - Вы ничего не сказали об антисоветской работе проведенной Вами в 151 стрелковом полку 51-й дивизии.

ОТВЕТ: - В этом полку дело у меня не клеилось.

Для антисоветской работы среди приписного состава, в октябре 1936 года я завербовал в военно-националистическую организацию пом. начальника штаба одного из батальонов

151 стрелкового полка БОНДАРЕНКО, сына кулака, националиста.

Однако, через непродолжительное время БОНДАРЕНКО, несмотря на мои возражения, приказом по округу был назначен начальником полковой школы и развернуть работу среди приписного состава не смог.

ВОПРОС: - Все то, что Вы здесь показали об антисоветской работе в дивизии касается, главным образом, приписного рядового состава.

Вы расскажите о том, какую антисоветскую работу Вы проводили среди командиров запаса.

ОТВЕТ: - Те участники военно-националистической организации - командиры кадра 51-й дивизии, фамилии которых я здесь Вам назвал, - на сборах вербовали также и командиров запаса, главным образом, петлюровских и прочих белогвардейских офицеров.

Эти командиры запаса, вовлекаемые в военно-националистическую организацию подготавливались в качестве командиров повстанческих отрядов.

Вербовка командиров запаса в военно-националистическую организацию проводилась и через Одесский дом Красной армии.

Для этой цели, в августе 1936 года я завербовал в воен-

но-националистическую организацию начальника Дома Красной армии РЯБОВОЛЕНКО — яркого националиста. В помощь ему я придал участника военно-националистической организации ТРИБУХА — начальника 1-й части штаба дивизии. Они привлекали командиров запаса в различные кружки при Доме Красной армии, на вечера смычки и т.д., изучали их и вели среди них вербовочную работу.

Вербовкой командиров запаса в Доме Красной армии занимался и ЕВТУШЕНКО; в начале 1937 года он доложил мне, что им завербовано 10 командиров запаса.

ВОПРОС: — Каким путем должны были вооружаться повстанческие отряды?

ОТВЕТ: — По моим наметкам, согласованным с областным повстанческим комитетом в лице БОЙКО и ГОЛУБА, вооружение повстанческих отрядов предполагалось следующим образом:

В моем распоряжении, как командира 51-й дивизии находились гарнизонные артиллерийские склады, в которых хранилось большое количество оружия, предназначенного для второчередных формирований на мобилизационный период.

В этих складах хранилось только одних винтовок более 23 тысяч штук. Кроме того, там имелись пушки и пулеметы с соответствующим количеством боевых припасов.

Все это оружие и боеприпасы я имел право выдавать любой воинской части своим личным распоряжением. Перед восстанием я намечал послать в караул для охраны склада участников военно-националистической организации, которые должны были выдавать оружие по моим распоряжениям.

Оружие и боеприпасы для немецких и болгарских повстанческих формирований я рассчитывал под благовидным предлогом перебросить на автомашинах в пункты их сбора, в ночь перед восстанием для того, чтобы на Одессу эти формирования двинулись уже вооруженными:

Повстанческие отряды, формируемые в пригородных районах должны были снабжаться оружием таким же образом.

Сельские повстанческие отряды должны были вооружиться за счет местных филиалов Осоавиахима и Райвоенкоматов, где участниками военно-националистической организации специально накапливалось оружие.

ВОПРОС: — На кого возлагалось руководство всеми этими повстанческими отрядами во время вооруженного выступления на Одешине?

ОТВЕТ: — В конце октября месяца в Одессу вторично приехал КАПУЛОВСКИЙ. Он рассказал мне, что военный штаб

принял решение в момент восстания развернуть несколько повстанческих армий. Такие повстанческие армии, как говорил КАПУЛОВСКИЙ, намечено развернуть на базе местных повстанческих отрядов на Подолии, на Киевщине и на юге Украины - Одешине.

КАПУЛОВСКИЙ заявил мне, что военным штабом командующим южной повстанческой армией, которая должна действовать на Одешине, - назначен я.

ВОПРОС: - Кто намечался в командующие другими повстанческими армиями?

ОТВЕТ: - КАПУЛОВСКИЙ мне называл только БОРИСЕНКО - командира 45-го мотомехкорпуса - члена военного штаба, который должен был командовать повстанческой армией на Киевщине.

В этот приезд КАПУЛОВСКОГО я проинформировал его о проведенной антисоветской работе мною и другими участниками военно-националистической организации, а также о разработанном мною, по поручению областного повстанкома, плане вооруженного восстания в Одесской области.

ВОПРОС: - Расскажите подробно об этом плане.

ОТВЕТ: - Я наметил стянуть к Одессе болгарские и не-

10
46

мецкие повстанческие формирования и ряд повстанческих отрядов из прилегающих к Одессе сел, указанных мне БОЙКО, которые вместе с участниками военно-националистической организации из формирующейся в Одессе второочередной дивизии должны были занять все наиболее важные объекты в городе, подавить сопротивление рабочих и оставшихся верными советской власти воинских частей, арестовать преданных компартии ответственных работников и передать власть в руки областного повстанческого комитета.

Одновременно с захватом власти националистами в городе, по указанию областного повстанкома должны были выступить повстанческие отряды в районах области.

Я спросил КАПУЛОВСКОГО, каким образом я смогу руководить восстанием и разворачивать повстанческую армию, если по мобплану в первый же день войны я вместе с дивизией должен уйти на фронт.

КАПУЛОВСКИЙ мне ответил следующее:

"ДУБОВОЙ мне говорил, что твоя дивизия будет занимать участок фронта примерно в километрах 150-200 от Одессы. Тебе нужно будет вывести дивизию на фронт, побыть там пару дней, потом под любым предлогом приехать машиной в Одессу и перейти на нелегальное положение.

Я к этому времени тоже буду находиться в Одессе на нелегальном положении и мы вместе организуем и возглавим восстание. Вообще же я теперь буду время от времени приезжать в Одессу, и помогать тебе проводить подготовительную работу к восстанию".

ВОПРОС: - Почему КАПУЛОВСКИЙ должен был возглавить восстание вместе с Вами? Ведь Вы-же назначались командующим повстанческой армией.

ОТВЕТ: - КАПУЛОВСКИЙ мне говорил, что военный штаб возложил на него общее руководство вооруженным выступлением на юге Украины.

Я понимал его роль, на подобие руководителя военного совета повстанческой армии, которой я должен был командовать.

Начиная с лета 1936 года КАПУЛОВСКИЙ действительно часто приезжал в Одессу, чего раньше не бывало. Я ему регулярно докладывал о работе военно-националистической организации и получал от него указания.

ВОПРОС: - ПРОКОПЧУК, неужели Вы считали реальными все эти Ваши повстанческие планы; неужели Вы верили в то, что Вам - по существу кучке заговорщиков, удастся свергнуть советскую власть и надеть ярмо на шею украинского народа?

ОТВЕТ: - Я арестован 2-го февраля; за это время я многое продумал и убедился в том, что все эти наши планы строились на песке, что они в значительной своей степени эфемерны, что в лучшем для нас случае дело ограничилось бы тем, что мог быть нанесен некоторой урон на местах от террористической и бандитской деятельности наших повстанческих отрядов.

Однако, тогда, окунувшись с головой в антисоветскую работу, изыскивая пути форсированного разрешения наших антисоветских планов - я, а со мной и многие другие участники националистического подполья, не могли не строить иллюзий; мы не задумывались над реальностью наших антисоветских планов; мы зачастую действовали по инерции, под давлением центростремительных сил.

ВОПРОС: - О какой инерции Вы говорите; вы шли на предательство и измену как сознательные враги народа; вами руководила звериная ненависть к советской власти, к делу социализма.

ОТВЕТ: - Да, я давно уже стал приверженцем национал-фашизма и этого перед Вами не скрываю.

ВОПРОС: - Как Вы можете это теперь скрывать, когда

маска с Вас сорвана, Вы разоблачены полностью и Ваше фашистско-бандитское обличье предстало во всей своей наготе.

ОТВЕТ: - Конечно, до ареста и моего разоблачения я должен был маскироваться и скрывать свои преступные намерения. В противном случае и одного дня не смог бы вести подпольной антисоветской работы.

ВОПРОС: - Какую роль должны были выполнять участники военно-националистической организации в 51-й стрелковой дивизии после военного столкновения СССР с Германией и Польшей.

ОТВЕТ: - Ряд командиров дивизии - участников военно-националистической организации должны были возглавить повстанческие отряды и вместе с этими отрядами войти в состав повстанческой армии. Другим я давал указания организовать измену на фронте: переходить к противнику, оголять наиболее важные участки фронта, подставлять под удар противника части, которыми они командуют, приводить в негодность материальную часть и т.п.

ВОПРОС: - Назовите всех участников Одесского областного повстанкома, с которыми Вы лично были связаны?

ОТВЕТ: - Я был связан только с БОЙКО и ГОЛУБОМ, которых я информировал о проводившейся мною антисоветской работе.

С самого начала моей связи с БОЙКО и ГОЛУБОМ я, в целях конспирации, договорился с ними, что больше ни с кем я связываться не буду. Об этом же им сказал и КАПУЛОВСКИЙ.

БОЙКО и ГОЛУБ, в свою очередь, держали меня в курсе антисоветской деятельности, проводившейся областным повстанком.

БОЙКО как то сообщил мне, что областным повстанком, через начальника штаба Северо-Западного укрепленного района (СЗУР), полковника РККА (фамилии его не помню) - участника военно-националистической организации, проводится работа по созданию повстанческого подполья в частях этого укрепленного района. В частности БОЙКО мне называл Чабанскую и Люстдорфскую батареи береговой обороны Черного моря.

Однако, говорил БОЙКО, в момент восстания нужно будет подвести к батареям сильные повстанческие отряды, чтобы было больше гарантий за то, что эти батареи будут в наших руках и не окажут нам сопротивления.

В 1937 году БОЙКО должен был связать меня с этим полковником из штаба Укрепленного района, но сделать этого не

успел.

ГОЛУБ мне рассказывал о том, что на местах повстанческая работа проводится через систему Осоавиахима, в которой имеются участники организации.

Он говорил мне, что секретарь Обкома КП(б)У ВЕГЕР, руководивший право-троцкистской организацией на Одешине, через участников военного заговора — Председателя Областного Совета Осоавиахима МАХЛИНА и начальника отдела боевой подготовки Осоавиахима БАЗАРОВА, добились формирования осоавиахимовской дивизии, части которой они собираются использовать для участия в вооруженном перевороте.

ГОЛУБ поручил участнику военно-националистической организации ПРОЦЕНКО, работавшему заместителем председателя Областного Совета Осоавиахима, законспирировано от право-троцкистской организации, создать в составе этой дивизии один полк, укомплектованный командным составом из участников военно-националистической организации и прочих националистов.

ПРОЦЕНКО к апрелю 1937 года значительную часть этой работы, как говорил мне ГОЛУБ, выполнил.

По просьбе ГОЛУБА я направлял несколько раз в немецкие колонии НОВАКОВА, который проводил там работу по военному обучению руководителей повстанческих отрядов. НОВАКОВ

мне говорил, что он, главным образом, обучал их тактике уличного боя.

В мае 1937 года БОЙКО рассказал мне, что им удалось привлечь для антисоветской работы ПЕТЕРСА - начальника Одесской областной милиции.

БОЙКО мне говорил: "Теперь мы сможем развернуть повстанческую работу в милиции. В ряде районов в милиции уже есть наши люди".

Мы договорились с БОЙКО, что для расширения антисоветской работы среди работников милиции, я поручу ЕВТУШЕНКО направлять к ПЕТЕРСУ для укомплектования милиции командиров запаса - участников военно-националистической организации.

ВОПРОС: - Направлял ли таких людей в милицию ЕВТУШЕНКО?

ОТВЕТ: - Это задание я дал ЕВТУШЕНКО весной 1937 года, но не знаю успел ли он что-либо сделать.

ВОПРОС: - Получали ли Вы указания от членов военного штаба, кроме КАПУЛОВСКОГО?

ОТВЕТ: - Кроме КАПУЛОВСКОГО я имел несколько встреч с членами военного штаба ДУБОВЫМ и БОРИСЕНКО, с которыми я

беседовал по делам военно-националистической организации.

ВОПРОС: - Когда и где Вы с ними встречались?

ОТВЕТ: - Зимой 1936 года я был вызван в Киев на военную игру высшего командного состава округа, где встретился с ДУБОВЫМ и БОРИСЕНКО.

Во время одного из перерывов игры, я вышел в коридор и встретил ДУБОВОГО; он пригласил меня зайти в комнату отдыха, где в это время никого не было.

По просьбе ДУБОВОГО я доложил ему о том, что мною сделано по военно-националистической организации в Одесской области; рассказал ему о повстанческой работе проводимой областным повстанком и проч.

ДУБОВОЙ мне заявил, что весной 1938 года возможно придется выступать и что поэтому нужно усилить работу организации. Тогда же ДУБОВОЙ мне говорил, что не плохо развернута работа ЗУБКОВ на Днепропетровщине; сейчас в Харьков должен приехать из Сибири ГАВРИЧЕНКО, назначенный начальником школы "Червонных старшин" и это увеличит наши силы.

ДУБОВОЙ сказал мне, что командир 97 стрелковой дивизии КОВАЛЕНКО также является участником военно-националистической организации и разворачивает работу у себя в частях.

С БОРИСЕНКО по вопросам военно-националистической организации я разговаривал два раза: первый раз на военной игре зимой 1936 года в Киеве и в начале 1937 года в Одессе, куда он приезжал устраивать своего ребенка в санаторий.

С БОРИСЕНКО во время игры мы были на одной стороне. Во время одного из перерывов мы вышли с ним погулять. БОРИСЕНКО рассказал мне, что у него дело идет не плохо, что в корпусе, которым он командует, имеется много командиров, вовлеченных им в военно-националистическую организацию.

БОРИСЕНКО мне сказал, что поддерживает непосредственную связь с ЛЮБЧЕНКО и ДУБОВЫМ.

Гуляя в коридоре, мы встретили НЕСЕНЮКА — начальника Укрвоенторга, с которым я поговорил несколько минут об отпуске средств на ремонт лагерных ларьков.

Когда НЕСЕНЮК от нас отошел, БОРИСЕНКО сказал мне, что НЕСЕНЮК участник военно-националистической организации и что он думает взять его к себе в корпус начальником снабжения.

Вторично я встретился с БОРИСЕНКО в начале 1937 года, когда он приехал в Одессу устраивать своего ребенка в санаторий и зашел ко мне в штаб дивизии.

В эту мою встречу я рассказал БОРИСЕНКО о немецких и болгарских повстанческих формированиях, о работе среди приписников дивизии и моей связи с участниками областного повстанкома.

БОРИСЕНКО информировал меня о работе военно-националистической организации на Киевщине и в некоторых других местах; он мне говорил о ЗУБКЕ, КРИВОРУЧКО и других, о чем я уже знал от КАПУЛОВСКОГО и ДУБОВОГО.

Я забыл Вам сказать, что БОРИСЕНКО в этот раз назвал мне участником военно-националистической организации ТИЩЕНКО — командира 75 стрелковой дивизии, который, как говорил БОРИСЕНКО, руководит военно-националистической организацией на Полтавщине.

Больше встреч с БОРИСЕНКО и ДУБОВЫМ у меня не было.
Допрос прерывается.

Записано с моих слов верно, мною прочитано —

П р о к о п ч у к.

ДОПРОСИЛИ:

ПОМ НАЧАЛЬНИКА 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
ВРИО НАЧ 5 ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР и ОО КВО
Майор Государствен. Безопасности
(ЛИСТЕНГУРТ)

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ 5 ОТДЕЛА УГБ НКВД УССР
Мл. Лейтенант Гос. Безопасности
(КРАШЕНИННИКОВ)

В е р н о: Врид СЕКРЕТАРЯ 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
Мл. Лейтенант Гос. Безопасности
(АФАНАСЕНКО)